

Курьер. ССР

# В ПОИСКАХ ГЛАВНОГО...

4 ИЮН 1938

Ашхабадский драматический театр показал ташкентскому зрителю свои работы:

Новую пьесу М. Горького «Егор Булычев и др.», трагедию Шиллера «Коварство и любовь», пьесу Булгакова «Дни Турбиных», первую часть «Диалогия Сухово-Кобылина «Судьба Кречинского» и пьесу Фалеева «Командные высоты».

Спектакли эти дают нам право сделать некоторые выводы об идейно-художественной ценности гастролирующего коллектива.

Репертуар определяет политическое лицо театра и его художественные вкусы. Кроме того, репертуарные установки театра в значительной мере обуславливают методы и приемы сценического мастерства.

Каким же образом складывается репертуарная линия Ашхабадского театра драмы?

Как и в любом театре провинциального типа, в ашхабадской драме репертуар на первых порах складывался: в зависимости от наличия артистических и режиссерских сил, собранных Наркомпросом ТССР в различных городах и областях Советского союза.

И еще: репертуар складывался в прямой зависимости от «классовых» расчетов.

Так было. В последнем сезоне театр пытается взять твердый курс на показ лучших образцов современного советского репертуара, а также и классической драматургии.

Линия — при четкой выдержке — безусловно правильная, но, к сожалению, в репертуарной линии ашхабадского коллектива есть орывы.

Показывая «Егора Булычева и др.», театр одновременно преподносит рабочему зрителю «Дни Турбиных» и сохраняет в репертуаре старую свою постановку — «Командные высоты».

Получается так, что большое социальное звучание пьесы М. Горького разбавляется будаковским сантиментом и фалеевской бесвкусицей.

Производственный план ашхабадской драмы выполняется пьесами, ничто не имеющими общего с лучшими образцами советской драматургии.

Возьмем «Командные высоты» Фалеева. В чем же заключается ценность этого произведения? Равне только в том, что оно показывает одну из разновидностей классового врага, провиокающего темными путями на социалистическое производство.

Но показ покажу — рознь! Сюжетные перипетии «Командных высот», обрисовка отдельных персонажей пьесы целиком исходит из схемы агитационного спектакля первых лет революции. История с портретом, письмом, роковая встреча с дочерью — все это от старьевской безвкусицы мелодрамщины, а отнюдь не от большого советского искусства.

Примеры «Егора Булычева и др.», ряд пьес Погодина, Файко, Афиногенова, Киринова и других молодых авторов говорят о том, что наша драматургия уже имеет в своем активе десятки подлинно художественных произведений. За эти пьесы и надо было целиком ухватиться Ашхабадскому театру, но он этого не сделал.

Репертуарная неразборчивость немедленно сказывается на качестве актерской работы.

Привычка работать на словесной манере Фалеева и других мешает колллективу серьезно подойти и вскрытию тематического материала настоящих художественных пьес.

Художественная ценность пьесы Горького «Егор Булычев и др.» в постановке ашхабадской драмы снижена.

Снижение это — прямое следствие не умелого подхода к театровому материалу пьесы.

Антры скользят по поверхности острых словечек и положений и не вскрывают глубин ГОРЬКОВСКОГО СЛОВА.

Слабая работа над текстом снижает идеальную сущность крупнейшего драматургического произведения ведет к неверной трактовке отдельных персонажей.

Шурка — побочная дочь Булычева, Яков — приказчик, фабрикант Достигаев, его дочь Антонина, адвокат Звонков, игумена не удалось театру, главным образом потому, что антры, исполняющие эти роли, не осознали ИДЕИ изображае

мых образов, не овладели интересным текстом.

Актер Лебедев, играющий адвоката Звонкова, усердно нажимает на педали халтурной декламации, исполнитель роли Достигаева штампует купца по-дедовским образцам Островского, артистка, изображающая старшую дочь Булычева, Варвару, строит отрицательный образ на внешнем уродстве.

Нет надобности доказывать, что все эти поверхностные актерские эксперименты крайне далеки от театра Горького — театра глубокой мысли.

Но в активе актерского мастерства ашхабадской драмы есть и бесспорные достижения: артист Григорьев, исполняющий роль Егора Булычева, Мышлаевского («Дни Турбиных»), бухгалтера («Командные высоты») и артист Агуров, играющий Егора Булычева и Лариоиска («Дни Турбиных»).

Работу этих актеров, прежде всего, культурна. Т.Г. Григорьев и Агуров с большим художественным вкусом и тактом вскрывают на сцене авторский текст и замысел. Они находят для показа каждого образа свои выразительные приемы. Они успешно преодолевают схематизм, провинциальный штампы и показывают зрителю не голые сцены, а живых людей.

Умело пользуются сценическими красками Агуров и Григорьев ярко выявляют свое отношение к образу (в зависимости от его социальной сущности). А это говорит о художественной и политической грамотности работников театра.

Сценический опыт Агурова и Григорьева должен быть положен в основу дальнейшей учебы, дальнейшей борьбы ашхабадского драматического коллектива за овладение техникой актерского мастерства.

Четкость репертуарной линии и культурная работа над драматургическим материалом — вот первое требование, которое мы сейчас предъявляем любому драматическому театру.

— Сочетать качество драматургии с высоким качеством театрального восприятия — вот задача, на разрешение которой ашхабадская драма должна бросить все свои силы и средства.

ЗРИТЕЛЬ.

Ашхабадский драматический театр им. Свердлова